

ЧИКА

Азарт видимо не заразен. Он рождается вместе с человеком. Не сам по себе, а вместе с душой человека. Уже входя в жизнь, ты имеешь это за плечами или не имеешь вообще.

Море игр построено на громадных деньгах, но азарт ведь не зависит от благосос тояния. Ничем не отличается миллиардер, только что выигравший десять долларов и предварительно проигравший неописуемо большую сумму, от обычного человека, немиллиардера, с распухшим от проигрыша и совершенно неприкасаемым носом, который только что выиграл возможность ударить своего, наконец-то проигравшего противника твердой, как дверь от банковского сейфа, колодой карт по такому же как у него самого, но еще не распухшему органу обоняния.

И смею вас заверить, любезный читатель, что степень радости выигравшего и в том, и в другом случае абсолютно одинакова.

Разве что, во втором случае чувство проигрыша охватит не какое-то неодушевленное казино, а вполне мясную, телесную проигравшую сторону, ибо ее ожидает ликующее и нетерпеливо сучащее ножками, одухотворенное благородство.

Благородство потирающего потные ручонки обладателя распухшего носа, уже, к несчастью, неспособного собственным носом упиваться фимиамом победы, но так сладострастно слюнявящего шершавым, белым от нахлынувшей радости выигрыша, застарелого пьянства и гастрита, языком верхнюю карту засаленой колоды. Чтобы, всосав в себя остатки всепланетного кислорода, с полным чувством выигрыша и с оттяжкой – "чтоб, бля, прилипло!" превратить пока еще стройный, бледный нос свежепроигравшего товарища по азарту в некое подобие обыденного овоща, который в простой человеческой жизни практически не встречается столь ярко красного цвета и именуется в простонародье, т.е. среди нас с вами, картошкой.

Игра!

Проигрыш!

Выигрыш! Победа!

Где она - мера горя или радости, кто способен ее понять?

Не надо задумываться и теоретизировать, мой снисходительный читатель, просто ненадолго зайдите вместе с автором в обычный рижский двор 1952 года.

При всей вашей интеллигентности, если вы родились после 1955 года в Риге, то по достижении обычного, сознательного возраста для азартных игр вам наверняка уже не досталась игра, созвучная по названию с именем обезьяны из трофейного кинофильма "Тарзан". Фильм этот в ваши годы уже не шел, обезьянку звали Читой, игра же называлась в кругу знакомых автора – "чика", хотя имела и еще добрую дюжину других названий.

Годы, как и все остальное, что способно от нас уйти навсегда, ушли и от автора, унеся подмышками своей неописуемой жадности микроскопические воспоминания об его детской азартной игре примерно 1953 года.

Смысл игры был прост – отобрать деньги хоть у десятка играющих соперников сразу. Воплощение идеи было несколько сложнее, ибо битва велась на равных с людьми не разделенными на возрастные подгруппы. Полная демократия и никакой тайны вкладов. Игра сильно отличалась от шахмат, в которые автор не умеет играть и сегодня, хотя этим нисколько не гордится, однако, слышал, что в парках даже в шахматы играют на деньги или другой интерес. Здесь же, в чику, интерес был налицо, и никаких ферзей или аналитических фантазий. Как говорят сегодня – голый нал.

Восьмилетний автор нашего повествования независимо принимал участие в игре на территории будущего престижного детского сада №.200, что на улице Акас.

Товарищами – соперниками по игре на том пустыре, наряду с двумя хулиганствующими одноклассниками, являлась целая галлерея воинствующих противников социалистической тогда еще морали и законности, стопроцентных ненавистников какого-либо законопорядка. Своебразное отношение к действующему законодательству и существенная разница в возрасте игравших, порой годящихся автору не только в отцы и старшие братья, но и в деды, в силу каких-то неизвестных вашему покорному слуге обстоятельств или правил той далкой, забытой жизни, не давали права всей этой совершенно дикой даже по нашим сегодняшним меркам, необузданной, слегка подпившей и отчаянно азартной компании, хотя бы намеком затронуть юный возраст участника игры или материально обидеть его хоть на одну копейку. Разве что, при крупном выигрыше, копеек этак в 90 (билет в кино на детский утренник стоил 1 рубль), правда, достаточно редком, кто-либо беззлобно подшутит, прося пригласить в соседнюю пивную или двинуть к девочкам, чего автор еще окончательно не понимал, но победно и так же беззлобно огрызался: вот выиграешь иди, гуляй на свои куда хочешь...

Чика в своей теоретической основе являлась простейшей игрой. Не вдаваясь в ненужные подробности, следует сказать, что суть игры была в переворачивании стоящего на земле невысокого столбика из монет, высотой примерно в один-полтора сантиметра, таким образом, чтобы каждая монетка повернулась к солнышку стороной, которой она перед началом игры была обращена к земле родной. Подобный переворот копеек достигался с помощью удара сверху по монетам специальным игровым орудием, именуемым биткой и являвшим собой свинцовое отображение, скажем для наглядности, шляпки от гриба сыроежки. Сверху сферично, снизу – плоскость. Ну, как кусочек от шара.

Технология изготовления подобной битки примитивна, но требует времени. Выламываешь никому ненужный витраж из роскошных парадных дверей соседнего дома, состоящий из дурацких цветных стеклышек, скрепленных тонкими полосками свинца.

Стеклышки отдаешь безумно счастливым девчонкам среднего ясельного возраста, которые потом долго будут ликующими криками встречать тебя во дворе, разглядывая в эти же стеклышки неповторимое изображение дарителя сих цветных чудес.

Дома, в абсолютном отсутствии мамы и бабушки, осторожно вывинчиваешь лампочку в ванной комнате (осторожно – потому, что ты только что вывинчивал в уборной, она выпала из твоих рук и прекратила свое существование не только в уборной, но и вообще). Затем в земле цветочного горшка, в котором через неделю от чего-то совершенно непонятного внезапно погибнет любимое растение твоей бабушки, ты лампочкой выдав ливаешь аккуратную ямку – форму для будущего орудия игры в чику и заполняешь ее, эту ямку, уже упоминавшимся свинцом. Свинец из никому ненужного витража ты растапливаешь на газе в маленьком детском ковшечке, в котором в дни твоих частых болезней давно теперь покойная бабушка подогревала молоко. Ковшечек от этой операции весь перекорежило на огне, изгадило окончательно и тебе пришлось его немедленно тайно выбросить...

Сколько цветков умерло, сколько ковшечков изгажено судить не беремся, но биток для чику было много. Много было витражей и развешенных за абсолютной ненадобностью по стенам домов телефонных проводов в свинцовых довоенных оболочках...

Играть в чику разрешалось только своей биткой, поэтому не сама игра, чаще всего

неудачливая, как и любые азартные игры, а дача взрослым дядькам напрокат этого необходимого орудия, порой приносило весомый доход, достигавший порой двух рублей в неделю, что позволяло на утреннем воскресном сеансе в кино выпить стакан ядовитой газировки и гордо съесть честно заработанное водянистое, фиолетовое мороженное, которое, говоря по совести, правильнее было бы назвать чернильным, а не фруктовым.

Как хорошо, что эпоха изменилась настолько, что сегодняшнего ребенка восьми лет от роду вы, любезный читатель, можете поставить в тупик простейшим вопросом – что такое клякса? Он ведь в своей жизни никогда не видел фиолетовых чернил, а о кляксах и существовании перьев номер 86 или "скелетик" даже и не подозревает. И в тяге к азартным играм вашей юности вы нынешних наших детей не подозревайте. Это почище любой кляксы.

Спросите у любого дитяти :

- А в чику играешь?
- ???

То-то же!..

1999 год.